

Глава I

ЧЕРЕЗ ВОСЕМЬ ЛЕТ

Заходящее осеннее солнце золотило массивные стволы дрека, которые венчали вершину одного из косогоров Суссекского графства.

Издали доносился глухой рокот морских волн, смешивающийся с жалобным стоном сентябрьского ветра. По узкой тропинке, проложенной по вершине косогора, ходила взад и вперед молодая женщина в трауре, не сводя глаз с пылающего небосклона и блестящего красноватым светом моря. Между кустами бегал мальчик лет семи, останавливаясь по временам, чтобы сорвать желтые цветы, которые через пять минут уже топтал ногами. В долине поднимался дым из труб нескольких хижин, оживляя этот суровый ландшафт. А на извилистой дороге, ведущей к горе, виднелся небольшой фаэтон, запряженный парой лошадей и ожидавший прогуливающихся на вершине особ. Экипаж стоял тут около часа, груму уже надоело ходить вокруг него и прислушиваться к полету куропаток да к раздававшимся изредка в лесу выстрелам какого-нибудь охотника.

— Когда ты поедешь домой, мама? — спросил ребенок, подбегая к матери.

— Скоро.

— Я так устал...

— Мой Руперт!

С этим восклицанием молодая женщина нежно положила руку на плечо мальчика, но все же не отводила глаз от стороны, где солнце исчезало за морем.

— Дитя мое, доктор Персон говорит, что тебе нужно больше движения; я потому и привела тебя сюда... Побегай еще, мой милый... побегай.

— Я не люблю бегать... Давай, мама, играть в лошадки.

Мать глубоко вздохнула и, стянув шаль покрепче вокруг талии, приготовилась исполнить просьбу ребенка. Она была высокая, изящная и поразительно хорошенькая. Действительно, большие ясные голубые глаза ее были прекрасны, хотя им и недоставало выразительности;

маленький тонкий нос, рот, который далеко не свидетельствовал о силе характера, и длинные светло-русые волосы составляли привлекательное целое. Можно сказать, что это лицо скорее шло бы кукле, чем живой женщине. Она еще сильнее стянула шаль, завязала концы ее и, дав их в руки сыну, начала бегать по косогору, между тем как мальчик поощрял ее слабым, визгливым голосом. Он называл это игрой в лошадки.

Она бегала очень медленно, чтобы не утомить ребенка. Вскоре, однако, у нее захватило дыхание; она вдруг остановилась и прижала маленькие, обтянутые перчатками руки к сильно бьющемуся сердцу. Мальчик продолжал дергать концы шали.

Перед ней, на тропинке, очутился мужчина. Последние лучи угасающего солнца освещали его смуглое бледное лицо и отражались в его карих глазах, а громадная тень ложилась от него по холму.

— Капитан Вальдзингам! — воскликнула молодая женщина с легким оттенком ужаса в голосе.

— Леди Лисль, — проговорил новоприбывший, снимая шляпу.

Осенний ветер растрепал волосы капитана и отбросил их на его низкий лоб. Он был красив, но его мрачная красота имела какой-то своеобразный характер: черты его были правильны, но резки, а карие глаза его казались совершенно черными от оттенявших их густых и темных ресниц. Он был высокого роста, широкоплечий и сильный. В одной руке он держал трость с золотым набалдашником, на которую опирался. Встреча эта, очевидно, не удивила его, и во всей его особе не выразилось ничего, кроме легкого оживления.

После минутного молчания он проговорил:

— Я прочел в одном журнале, что он умер.

Леди Лисль кинула на него полуудивленный, полуиспуганный взгляд и пробормотала:

— Я думала, что вы находитесь в Индии.

— Да, но я же прочел о его смерти в журнале. Я пил пиво в одном из калькуттских клубов, в обществе нескольких товарищей. Один из них подал мне какой-то английский журнал, и я, хотя редко читаю журналы, начал пробегать этот номер глазами. Таким-то образом я прочел, между прочим, известие о смерти сэра Режинальда Лисля, владельца Лисльвуд-Парка в графстве Суссекс, двадцати девяти лет от роду... Ну, на другой день Дольгуз поднял паруса — и я уехал.

— Так вы меня лю...

— Я всегда любил вас... а теперь люблю еще более прежнего.

Он схватил маленькую ручку леди Лисль и прижал ее к губам. Мальчик снова начал дергать шаль матери и спросил громко:

— Кто этот господин, мама, и почему он целует твою руку?.. Почему он любит тебя?.. Ведь это не мой бедный папа.

Капитан Вальдзингам взял мальчика за подбородок и, повернув его бледное, болезненное личико к свету, внимательно посмотрел на него:

— Вы похожи на вашу маму и лицом и характером, сэр Руперт Лисль, — произнес он. — Мы будем поэтому хорошими друзьями, и я буду играть с вами в лошадки.

— Тогда я буду любить вас, — ответил ребенок.

— Вы удивились при виде меня, леди Лисль? — обратился капитан к молодой женщине. — А между тем что же может быть естественнее моего прихода?.. Я прочел, что сэр Режинальд умер, и отправился на другой же день в Англию. Прибыв в Довер, я узнал по справкам, что вы все еще живете в Лисльвуде, и поехал к вам, не заглянув даже в Лондон. В замке мне сообщили, что вы поехали кататься на ваших пони... Ну, я и пошел прямо сюда.

— Почему же именно сюда?

— Ах, вы не догадываетесь?.. Потому что мы расстались на этом кособоре, в сентябре же, восемь лет тому назад... Я думал, что вы иногда посещаете эту местность.

— Не будете ли вы жить с нами в замке?

— Нет, я остановился в гостинице «Золотой лев», но буду приходить ежедневно в парк. Если же я остановлюсь у вас, то вы можете сделаться предметом сплетен.

— Вы правы...

Она так редко задавала себе вопросы и так привыкла жить чужим умом, что ее постоянно нужно было наталкивать даже на самые простые мысли.

— Я видел на дороге ваш экипаж и узнал ливрею дома Лисль, — продолжал Вальдзингам. — Не подвезете ли вы меня?

— Подвезем... Если хотите быть у нас, то заметьте, что мы обедаем в семь часов. Теперь, должно быть, уже более, но я почти всегда заставляю ждать себя... Идем, Руперт.

Она взяла мальчика за руку, и все трое стали спускаться с горы.

— Вы говорили, что рады видеть меня, — сказал он вдруг, ударяя

тостью по деревьям, — но между тем в вас вовсе не заметно радости.

— Вы так испугали меня!.. Вам бы следовало предупредить меня письменно о вашем приезде... Я ведь не особенно сильна.

— Это верно, — перебил капитан со странной, почти презрительной улыбкой. — Вы никогда не имели сил... Ни для борьбы, ни для страданий... Простите меня, леди Лисль; одному небу известно — скрывается ли причина этого недостатка в вашей душе или же в вашем организме... Я даже спрашивал себя несколько раз: есть ли у вас душа?

— Вы жестоки по-прежнему, Артур, — проговорила она.

Большие голубые глаза ее наполнились слезами.

— Скажите вашему сыну, чтобы он шел один к экипажу, а вы пройдете немного со мной.

Леди Лисль исполнила это желание, и мальчик бросился бежать к фэнтону, на козлы которого и поместился рядом с грумом.

— Клерибелль, — начал капитан с увлечением, — знаете ли вы, что в продолжение тех многих лет, проведенных вдали от вас, в Индии, я часто молил Бога послать нам эту встречу? Это была грешная мольба, не так ли?.. Она была равносильна просьбе о смерти человека, который никогда не делал мне зла... А все-таки эта мольба услышана... Может быть, к моему несчастью... Это была мольба страстно любящего человека, сумасшедшего, отчаянного, ослепленного... Так молятся разве одни язычники. Сколько раз говорил я самому себе: «Если я даже встречу ее на улице нищей или лежащей на больничной койке, покинутой и презираемой всем светом, то я и тогда женюсь на ней... Женюсь, где бы и как бы ни нашел ее — и это так же верно, как то, что свет нисходит с неба...» В течение восьми лет повторял я эту молитву и этот обет; Бог внял моей мольбе — и я снова здесь.

— Сэр Режинальд был для меня добрым мужем, — ответила леди Лисль на это страстное признание. — И я старалась исполнять мой долг относительно его.

— Да, да, Клерибелль, я верю этому. Вы также исполняли вашу обязанность относительно вашей тетки и ваших опекунов... Безжалостно разбивая мое сердце, тому назад восемь лет, и изменяя данному мне слову, чтобы сделаться женой сэра Режинальда Лисля.

— Меня так мучили тогда... Говорили мне столько ужасных вещей...

— Ну да — вам говорили, что я влюблен в ваше богатство, не так

ли? Говорили, что бедный индийский офицер добивается руки дочери-сироты богатого негоцианта единственно ради миллионов, оставленных ей ее отцом... Вот что называли вам, и вы, вы, зная меня как нельзя лучше, зная искренность моей любви к вам, могли верить этому, Клерибелль!

— Я боялась полагаться на свое собственное суждение.

— Да, леди Лисль, это было важной ошибкой в вашей жизни.

Он взял опять ее нежные руки своими сильными и, держа их на некотором расстоянии от себя, долго смотрел на нее с любовью.

— Великие боги! — проговорил он. — Как может человек основывать всю свою надежду на такой слабой, достойной сожаления былинке! Чему же тут удивляться, что все здание рухнуло?.. Бедная моя Клерибелль! Такое вы хорошенькое существо, но ломкое и бездушное... Скорее можно положиться на силу этих гиацинтов, чем на вашу нежность и ваше постоянство.

— О, как вы жестоки, Артур!

— Вы находите?.. Помните вы еще тот сентябрь восемь лет тому назад? Кто был тогда жестоким, Клерибелль? Мы находились здесь же... О, как живо представлялась мне иногда вся эта печальная сцена и как тоскливо сжималось мое сердце при этом воспоминании!.. Да, ужасны, почти невыносимы были эти нравственные пытки!.. Каждую ночь в течение многих лет видел я во сне этот косогор... Я даже слышал шелест вашего шелкового платья, цеплявшегося за кусты; чувствовал легкое прикосновение вашей маленькой ручки к моей руке; видел ваши слезы... В ушах моих звучали опять ваши отчаянные, раздирающие душу слова, которые вам так же тяжело было произносить, как мне — их слушать. Я прижимал вас к сердцу, как и при прощании, а после этого я просыпался, чтобы смотреть на звезды сквозь крышу шатра и слушать завывание голодных шакалов.

— Я тоже страдала много... Я страдала не менее вас, — сказала Клерибелль прерывающимся голосом.

— Нет, Клерибелль, сильно ошибаются те, которые думают, что женщина страдает так же, как мужчина; она страдает, если можно так выразиться, про себя, только нечасто сильное горе действует на нее благодетельным образом, изменяет ее иногда к лучшему. С мужчиною же бывает не то: видя свои надежды разрушенными, потеряв цель жизни, он поворачивается спиной к несчастью и начинает искать себе

развлечений в обществе... Я не стану объяснять вам, леди Лисль, какое широкое значение имеет слово «развлечение»; я хочу единственно сказать вам, что восемь лет тому назад я был достоин вас, но сегодня я уже недостоин.

— Следовательно, вы не любите меня больше? — спросила она.

— Люблю, Клерибелль, люблю; сердце мое никогда не было в силах полюбить другую. Я встречал женщин прекраснее вас и более достойных быть любимыми, но в своем безумии — и к моему несчастью — я не мог забыть вас, не мог разлюбить... Я проклинал вас за вашу бесхарактерность, презирал за измену, но в продолжение восьми лет, полных горя, труда и отчаяния, я ежедневно должен был признаваться самому себе, что все еще люблю вас. Скажите: не заслуживаю ли я хоть какого-нибудь вознаграждения? Вы теперь вполне самостоятельны; тетка ваша, которая имела такое сильное влияние на вас, давно уже умерла. Опекуны ваши не имеют больше над вами никаких прав, Клерибелль. Спрашиваю вас теперь, когда вы свободны, я — на том же месте, где вы оставили меня восемь лет тому назад, в таком отчаянии: хотите ли вы исполнить обеты вашей молодости?

Леди Лисль молчала несколько минут, а потом прошептала, утирая слезы, катившиеся по лицу ее с самого начала этого разговора:

— Да, Артур, если это может составить ваше счастье.

Она произнесла эти слова скорее под влиянием какого-то страха, чем под влиянием чувства. Артур обнял ее, прижал к себе и поцеловал в лоб, а затем довел молча до экипажа.

— Мама, мама! — закричал ребенок своим слабым голосом. — Я заждался тебя. Я очень голоден, и уже становится темно, а Брук устал рассказывать мне сказки.

— Потому что вы слышали их уже много раз, сэр Руперт, — заметил почтительно грум.

— Так Брук рассказывает вам сказки, сэр Руперт? — спросил весело капитан. — Вероятно, он рассказывал о Джеке, убийце великанов, и Мальчике-с-пальчика? Я думаю, будет недурно, если я расскажу вам какую-нибудь индийскую сказочку.

— В таком случае я буду вас любить и желать, чтобы вы сделались моим новым папой.

— Садитесь, сэр Руперт, — сказал Брук. — Теперь восемь часов, а

вам пора кушать.

Легкий фаэтон быстро покатился по дороге и достиг через полчаса решетки Лисльвуд-Парка, одного из самых больших и красивых поместий Суссекского графства.

Маленький баронет был в восхищении от своего нового знакомого и удерживал возле себя капитана до девяти часов, прося его рассказывать ему сказки. Но как только часы пробили девять, в гостиной появилась важная, чопорная гувернантка и уговорила, хотя и с величайшим трудом, сэра Руперта следовать за ней в его комнату.

— Вы балуете своего сына, — заметил капитан, когда мальчик ушел.

— Что же делать? Мне некого больше любить.

— Он очень миленький мальчик, но слаб телосложением.

— Да, он не из особенно здоровых. Это одна из причин, почему я позволяю ему делать почти все, что он захочет. Доктора утверждают, что не следует противоречить ему, так как он чрезвычайно впечатлителен.

— Умен ли он?

— О нет, я не думаю, чтобы он обладал ясным умом, — ответила леди Лисль после некоторого колебания, — он учится очень мало. Господин Мэйсом, пастор, приходит ежедневно сюда и дает ему двухчасовой урок, я опасаясь, что он находит его слишком ленивым.

— Жалуется ли он когда на него?

— Да, жаловался несколько раз, — проговорила леди Лисль задумчиво.

— Это ничего не значит, Клерибелль; Руперт будет богат и не имеет нужды сделаться ученым. Это только нам, беднякам, осужденным на вечную борьбу за существование в этом мире, необходимо развивать свой ум.

Капитан произнес эти слова с горькой улыбкой и, встав со своего места, подошел к камину и, облокотясь на него, устремил глаза на огонь. Пламя озарило фантастическим светом его смуглое лицо, засверкало в его грустных черных глазах и резко обозначило строгие очертания его красивого рта, полузакрытого усами, которые он то и дело разглаживал рукой. Леди Лисль, сидевшая по другую сторону камина за маленьким столиком, на котором стояла лампа под абажуром, пристально смотрела на него.

— Вы изменились, капитан, — сказала она наконец.

Он ответил не сразу, но пожал плечами и подталкивал концом сапога уголья. Потом после короткой паузы он произнес спокойно:

— Так вы находите, что я изменился?.. И очень изменился!.. Удивительно ли это после того, как я провел восемь лет в Индии? После того, как я восемь лет пил эль и водку... Восемь лет упражнялся на бильярде, играл в кости, в экарте, в различного рода азартные игры, в крикет... Делал набеги на неприятеля, охотился на вепрей и тигров, ссорился, заводил любовные интриги, сражался, должал!.. О леди Лисль! Мне кажется, что уж лучше не пересчитывать все свои деяния: они могли бы не прийтись вам по вкусу.

— Артур, — сказала Клерибелль, рассеянно вертя свои длинные золотистые локоны вокруг бледненьких пальчиков. — Знаете ли, что вы сделали настоящим медведем?

— Медведем! — повторил капитан насмешливо. — А! Только эту-то перемену видите вы во мне после восьми лет разлуки? Обращение мое уж не такое вежливое; голос мой звучит резче; я начинаю говорить дерзости и смеюсь прямо в глаза людям. Я стал нервно-раздражительным и имею теперь несносный характер... То есть я не стараюсь показать его хорошим, как делают люди благовоспитанные. Я обедаю в пальто и в цветной жилетке и явился к женщине, изменившей восемь лет тому назад данному мне слову и которую я не видел с тех пор, в шесть часов пополудни. Не застав ее дома, я отправляюсь вслед за ней, нахожу ее в пустынной местности — и предлагаю ей выйти за меня замуж, между тем как еще не истек год ее траура... Одним словом, леди Лисль, употребляя ваше же выражение, — я сделался медведем: вы правы.

При последних словах он взглянул в зеркало, висевшее над камином, и, быстро откинув назад свои черные волосы, долго смотрел на себя с задумчивой улыбкой. Леди Лисль не сводила с него полного недоумения взора, но не сказала ни слова. Его влияние на нее было, очевидно, громадное, и в ее обращении с ним проглядывала робость, которая, вероятно, возникала из сознания его силы и своей собственной слабости.

— Леди Лисль, — продолжал он, — я уже не кажусь вам больше таким, каким был в сентябре, тому назад восемь лет? А если я скажу вам, что с тех пор стал во всех отношениях другим человеком?

— Артур!

— Взгляните на меня в зеркало... Идите сюда, Клерибелль, станьте рядом со мною, и будем изучать вместе мое лицо. В нем нет особенных примет: две-три едва заметные морщинки под глазами, несколько резких линий вокруг рта и сильная смуглость, произведенная индийским солнцем... Великие боги! Как мало отражает лицо внутреннее состояние человека, и каким иссохшим, старым, безобразным казалось бы мое, если бы на нем остались следы всех пережитых мною душевных бурь! Посмотрите, какая у меня между тем красивая маска, и удивляйтесь, как искусно умеет человек, эта величайшая из всех загадок, скрываться за нею!

— Артур, я отказываюсь слушать вас, если вы будете продолжать в этом же тоне.

— Ах да, я говорю медвежьим языком, не так ли?.. Я должен бы лежать у ваших ног и обрисовывать вам самыми радужными красками картину моего восьмилетнего пребывания в Индии: как я из любви к вам никогда не пил двойного эля; как по той же причине не прикасался ни к игральным костям, ни к картам и как избегал общества женщин, чтобы мечтать о вашем хорошеньком личике. Это звучало бы приятно в ваших ушах, не так ли?.. Нет, Клерибелль, я не говорю вам всего этого. Я медведь, как вы сказали, и поэтому скажу вам одну истину. Выслушайте же меня! Я ненавижу вас столько же, сколько люблю, — и сердце мое буквально раздирается этими двумя противоположными страстями, я еще не уяснил себе, которая из них привела меня сегодня к вам.

— Артур, сердце мое разрывается, слушая вас, — сказала Клерибелль, когда он отвернулся и закрыл лицо руками. — Артур, я обещала сделать все, что будет в моих силах, чтобы вознаградить вас за прошлое... Я обещала это, да? — повторила она, стараясь поднять его голову своими маленькими руками.

— Да, да, вы добры, Клерибелль, и вы обещали даже сделаться моей женою... О моя возлюбленная, моя мучительница, моя дорогая и жестокая Клерибелль!.. Пусть это ужасное прошлое забудется раз и навсегда, и да не падет ни малейшей тени от него на эту прелестную головку!

Клерибелль, — начал он снова, — вы обещали быть моей женою: не раскаиваетесь ли вы теперь в этом обещании? Не страх ли принудил вас сдаться на мою мольбу? Обдумайте это, моя дорогая, пока еще не

поздно; скажите одно слово, и я оставлю сегодня же вечером этот дом, а через два дня буду снова на пути в Индию... Одно слово, Клерибелль, и вы будете избавлены от меня навеки.

Она подняла на него полные слез глаза и, положив свои нежные пальчики в его широкую руку, проговорила чуть слышно:

— Никогда... Никогда не любила я никого, кроме вас... Я поступила очень дурно, изменяя данному вам слову и выходя за сэра Режинальда Лисля; но я была слишком слаба, чтобы противиться воле моих родных... Как часто сидела я с мужем против этого камина и думала о вас, так что и эта комната и лицо мужа исчезали для меня... Я видела вас раненым на поле битвы или спящим в каком-нибудь мрачном, непроходимом лесу... Видела вас одиноким, покинутым, больным, умирающим; но, слава богу, вы здоровы и невредимы, вы возвращены мне снова... И вы все еще любите меня!

— Люблю и буду всегда любить... Это ведь пункт моего помешательства, Клерибелль... Так вы выйдете за меня, что бы ни случилось, по Божьей воле, дурного или хорошего?

— Да!..

Она задрожала, взглянув опять на его мрачное лицо, и с ужасом повторила медленно его последние слова: «дурного или хорошего».

Глава II

ВЗГЛЯД НА ПРОШЛОЕ

Почтенные жители Лисльвуда, в Суссексе, вероятно, помнят еще, как какой-то капитан Вальдзингам, служивший в индийской армии, приехал погостить к сэру Режинальду восемь лет тому назад. Быть может, в их памяти еще сохранились его свежее лицо, изящные манеры и воинственная осанка; не забыли они, конечно, и бряцание его шпор, когда он проходил по длинной, дурно вымощенной улице деревни; свист хлыстика, который он вертел так грациозно в руках, и лоск его прекрасных черных усов (капитан служил в кавалерии); добрую его улыбку, с которой он обращался к детям, приближавшимся к нему, чтобы полюбоваться на блестящего офицера, и его звонкий голос, когда он останавливался перед «Золотым львом», ожидая прибытия лондонского дилижанса, или когда заходил к кузнецу или ветеринару, чтобы посоветоваться насчет своей охотничьей лошади.

— Это очень благородный и любезный джентльмен, великодушный и откровенный, — говорили о нем жители Лисльвуда.

Помнят они также, как он до безумия, отчаянно влюбился в мисс Клерибелль Мертон, сироту и наследницу одного богатого негоцианта великой Индии, жившую под опекой своей тетки, старой девы, сестры экс-ректора прихода. Эти добрые люди помнят об этой любви, потому что капитан Артур Вальдзингам, который вовсе не принадлежал к числу скрытных людей, имел по крайней мере двадцать поверенных и угрожал тысячу раз застрелиться или утопиться, если любовь его будет отвергнута. Мартин, его слуга — превосходный малый, — сказал однажды служанке «Золотого льва», что он спрятал пистолеты своего господина и очень жалеет, что не может сделать того же с рекою. Капитан Вальдзингам показал себя чуть-чуть неосторожным и нескромным в своей любви к прекрасной наследнице со светло-русыми волосами, с детскими манерами и полнейшим отсутствием энергии и характера. Капитан клялся, угрожал и протестовал, когда его обвиняли в том, что он ухаживает за нею только ради ее богатства, и просил отдать ее за него без всяких денег и основать на ее миллионы богадельню. Весь Лисльвуд знал повесть этой любви, чрезвычайно интересовался ею и

сочувствовал страданиям капитана. Каждое тайное свидание, происходившее на широкой равнине или на косогорах, которые окружали село, было известно всем и каждому. Каждый вечер, когда он проходил мимо сада тетки, чтобы видеть слабый свет лампы, пробивавшийся сквозь оконные занавески, каждое письмо, доставленное украдкой горничными, гиней, которую кузнец расколол пополам по просьбе капитана и половинками которой поделились влюбленные, бурные сцены между капитаном и опекуном мисс Клерибелль — все это было предметом общих толков и пересудов во всех домах в Лисльвуде. Толковали об этом молодые женщины, которые находили прекрасного капитана слишком завидным обожателем для этой «глупой, взбалмошной мисс» — с такой непочтительностью отзывались они о мисс Мертон; толковали и старые женщины, которые утверждали положительно, что капитан добывается единственно денег; присоединялись к этим толкам также холостяки с седыми головами, называвшие капитана сумасшедшим за его бурную и откровенную любовь. Одним словом, весь Лисльвуд обсуждал со всех сторон увлечение Вальдзингама и разбирал и его самого до мельчайших подробностей.

Я думаю, что единственная особа, остававшаяся безусловно спокойной в это время, была молодая героиня этой сентиментальной драмы. Клерибелль Мертон не делала никаких признаний и не искала поверенных. Никто и никогда не слышал, чтобы она сделала сцену или упала без чувств к ногам своей неумолимой опекуниши или совершила бы опрометчивый шаг, отвечая на страстные послания своего обожателя. Действительно, она выходила на свидания на отдельные косогоры, но все были уверены, что с ее стороны эти свидания имели самый безгрешный характер, и объясняли их тем, что капитан бродил вокруг ее дома, видел ее выходящей оттуда и следовал за нею. Словом, о мисс Мертон упоминалось редко. Красивая, бледная, с длинными золотистыми локонами, которые окружали как бы ореолом ее грациозную наклоненную головку, она приковывала к себе каждое воскресенье, в церкви, внимание всего Лисльвуда, но никто никогда не замечал, чтобы ее лицо вспыхивало или бледнело под жгучими взглядами Артура Вальдзингама, который грыз с досады переплет своего молитвенника. Он мог стоять во все время пения псалмов, опираясь на находящуюся перед ним деревянную решетку, и упорно

смотреть на Клерибелль со свирепым видом, небритый, с тусклым неподвижным взором, мог выбегать из церкви в самой середине проповеди ректора, скрипя сапогами и звеня шпорами по каменным плитам храма, мог беспокоить сколько хотел находящихся в церкви, мог всем этим шумом привлекать внимание воспитанников, так что они нередко восклицали: «Негодный Вальдзингам». Но чтобы он ни делал, ему не удавалось нарушить постоянное спокойствие мисс Мертон. По окончании проповеди, когда ректор благословлял присутствующих, а народ начинал расходиться из церкви, мисс Клерибелль выходила на кладбище и также спокойно проходила мимо капитана, сидевшего на какой-нибудь могиле и смотревшего на нее в мрачном отчаянии. Едва она нечаянно задевала его своим шелковым платьем, он начинал трепетать всем телом, она как будто не замечала этого, и в ее холодных голубых глазах не выражалось ни удивления, ни волнения, ни смущения, ни досады, ни любви, ни даже сожаления.

— Вы считаете меня сумасшедшим, потому что я люблю до безумия восковую куклу? — воскликнул капитан однажды вечером в Лисльвуд-Парке, когда он выпил больше обыкновенного и баронет с другими товарищами начал смеяться над его страстью. — Я знаю не хуже вас, что это глупость, простительная только школьнику, но тем не менее эти бредни могут довести меня до могилы.

Однако как бы много общего ни имела мисс Мертон, как утверждали ее враги, с теми прекрасными произведениями искусства с голубыми глазами и золотистыми волосами, которые можно видеть в игрушечных магазинах, но все же она была богатой наследницей и вдобавок еще прелестной женщиной; вследствие этого ли обстоятельства или по причине говора, вызванного бешеной страстью капитана, — а через шесть недель по приезде индийского офицера в Лисльвуд она, как говорится, вошла в моду; и будь она безобразнее семи смертных грехов, то и это не помешало бы ей выйти теперь замуж и за самого богатого, если бы была бедна. Будь она хоть индианкой, некрасивой и горбатой, — но, войдя уже в моду, она должна была сделаться предметом восторга, удивления, искательств и поклонения. Чудесная перемена произошла вдруг, и люди, которые прежде едва замечали ее, стали сходиться с ума от желания жениться на ней, то есть не на ней собственно, а на ее известности; им просто хотелось отражать лучи этой яркой планеты, попиловать на чужом пиру.

Итак, мисс Клерибелль Мертон сделалась центром внимания всего Лисльвуда, и через два месяца после прибытия капитана сэра Режинальда предложил ей руку — единственно из-за удовольствия отбить ее у другого; предложение это было принято девушкой благодаря подстрекательствам тетки. В это-то время и разыгралась ужасная сцена на вершине косогора, носившего название Бишер-Рида. Не дождавшись капитана к обеду, из замка послали Мартина, его слугу, искать его, и тот, направившись инстинктивно к косогору, нашел своего господина распростертым на мокрой траве, в состоянии совершенного оцепенения. После этого Вальдзингам хотел вызвать на дуэль сэра Режинальда, вышла отчаянная ссора между соперниками, которая кончилась, однако, только отъездом капитана. Он оставил замок, желая баронету быть счастливым со своей бездушной невестой, затем поскакал как сумасшедший по улицам села и отправился в Индиа-Гуз просить, чтобы его послали куда-нибудь, где враги его отечества из жалости поспешили бы его убить.

В Лисльвуде спрашивали себя: была ли мисс Клерибелль Мертон огорчена тем, что ее принудили отвергнуть своего «сумасбродного» обожателя? Но, по обыкновению, лицо молодой девушки не выдало ее тайны: оно было прекрасно, но вполне безмятежно. Она вышла за сэра Режинальда без любви, сделала это так же бесстрастно, как брала уроки музыки, не имея слуха, и училась рисованию, не обладая эстетическим вкусом. Все, что ей предписывали делать, то она исполняла. Она вышла бы за капитана по его приказанию, так как не была в состоянии противиться силе, если бы не поддержало ее противодействие тетки, которая вследствие долгой привычки имела над ней неограниченную власть. Она зависела вполне от тех, которые руководили ею, смотрела их глазами, думала их умом и употребляла в разговоре только их выражения. Капитан мог быть совершенно искренним в своей любви и честным, но если тетке мисс Клерибелль было угодно выставить его обманщиком, то и сама мисс начинала тотчас же сомневаться в нем. Она говорила ему своим тихим, нежным голосом тысячу несправедливостей, которые были исключительно повторением слов ее опекуни. Ее можно было сравнить с кораблем без руля и якоря, отданным на произвол изменчивого ветра; не успел еще капитан с доверенным ему полком достигнуть Мальты, отправляясь в Индию, как крестьянские дети уже усыпали цветами путь, по которому должны были идти из церкви к

замку сэра Режинальда и леди Лисль.

Прошло без малого восемь лет с того прекрасного октябрьского утра, в которое Клерибелль Мертон сделалась женой молодого баронета, и сэр Режинальд Мальвин Бернард Лисль сделался главным предметом любопытства в другой церемонии в той же сельской церкви. Эта церемония происходила без всякого блеска и шума, потому что смертные останки молодого человека покоились в гробу, обитом черным сукном, украшенным серебряными гербами и рельефными начальными буквами его имени, под тяжелым бархатным покрывалом, который несли благороднейшие джентльмены Лисльвуда. Затем появился новый надгробный памятник из дорогого мрамора возле испещренных стихами статуй кавалера Мармэдюка Лисль, почетного камергера ее величества королевы Елизаветы, и Марты, его супруги, в коленапреклоненной друг против друга позе. Этот новый памятник свидетельствовал, что под ним, рядом с прахом его высокородных предков возле алтаря, погребено тело последнего баронета Режинальда Мальвина Бернарда, сына Оскара. Сэр Режинальд умер от наследственной болезни, которая свела в преждевременную могилу большинство членов рода Лисль. В продолжение трех поколений умирал глава этого дома по достижении тридцатилетнего возраста и оставлял одного только сына наследником своих титулов и богатства. Если бы сэр Режинальд умер бездетным, то баронство наследовал бы один дальний родственник его, любитель музыки и живописи, живший в Неаполе; но сэр Режинальд последовал примеру отца и деда, оставив после себя шестилетнего сына, бледного и нежного, сильно похожего на мать и в нравственном и в физическом отношениях. Сэр Режинальд и леди Лисль не были несчастными супругами. Сэр Режинальд был любитель спорта, лошадей, собак, стрельбы в цель, поездок — одним словом, всех тех развлечений, которым так охотно отдаются джентльмены, имеющие много денег и никакого дела. У него была ферма, и он начал применять на ней новые системы земледелия, что потребовало громадных расходов и не дало ему ничего в результате; но эти попытки занимали его, и он заставлял молодую жену ходить с ним через вспаханные поля и сенокосы в дождь и в жестокий зной, чтобы видеть его опыты, против чего она и не протестовала.

У него происходили конские скачки, и весь Лисльвуд оживлялся присутствием прекрасных беговых лошадей и жокеев; однако и это

удовольствие, как и все другие, приелось баронету. В одно прекрасное утро в столбцах «Бель-лейфа» появилось объявление о продаже «беговых лошадей сэра Режинальда Лисля, включая Клерибелль, одерживавшую постоянные победы на всех скачках». Со временем ему надоело и прочее: все потеряло цену в пресыщенных глазах. Клерибелль, как мы видели, была тиха, мягка, хотя и не нежна. Она сопровождала скучающего мужа, когда ему вздумалось путешествовать для рассеяния, и пила воды в Спа по его просьбе, пробегала с ним картинные галереи, наполненные произведениями фламандской и итальянской школы, — не умея отличить одну от другой и принимая Тициана за Тениера или Сальватора Розу за Рубенса. Если бы он предложил ей взойти на Монблан, она храбро взобралась бы до самой вершины, хотя бы это могло стоить ей жизни. Это рабское послушание, сопровождавшееся спокойной улыбкой, нельзя было назвать прирожденной кротостью: в нем скорее выражалась полная апатия ко всему окружающему — все было для нее легче сопротивления. Она слушала баронета, когда он говорил, читала ему вслух по летним вечерам описания боксов, помещавшиеся в «Бель-лейфе», не понимая ни единого слова из того, что читала. Она садилась в его фаэтон, запряженный парюю пони, чтобы ехать на какую-нибудь скачку, хотя она не была в состоянии отличить победившую лошадь от прочих и едва помнила названия своих лошадей. Когда сэр Режинальд начал хворать, она ухаживала за ним с величайшей заботливостью; если он начинал сердиться на нее, она переносила без возражений вспышку; если же он был печален, она всегда старалась успокоить его, а когда он скончался, то горевала о нем тоже по-своему. Она покинула Лисльвуд сейчас же после похорон и уехала на воды, находившиеся где-то в Суссексе, сопровождаемая только сыном и горничной. Обширный, великолепный замок с его прекрасными комнатами, в которые недавно вошла мрачная смерть, наводил на нее какой-то странный ужас, и вид темных аллей влиял на ее нервы. Тетка ее умерла вскоре после ее замужества, у нее не осталось ни родных, ни друзей. Вследствие этого она страстно привязалась к единственному сыну и посвятила ему всецело свою жизнь. Вспоминала ли она о прекрасном капитане с тех пор, как сделалась свободной? Это могло случиться, и нет ничего странного, если причина грусти ее заключалась в сознании, что она так терзала этого человека восемь лет назад. Ей не было известно, жив ли он или

умер, и она не имела ни малейшей возможности узнать о его участи. Сэр Режинальд не произносил никогда больше имени своего экс-приятеля со времени их ссоры. Она не смела даже думать о Вальдзингаме: по ее мнению, было нечестно думать о другом человеке, когда муж так недавно похоронен и серебряные украшения его гроба не успели еще потускнеть в сыром склепе. Она начала путешествовать с сыном, показывая ребенку громадные, мрачные соборы, которые она посещала иногда вместе со своим отцом. Она повезла его в Антверпен, Кельн, Брюссель, Мюнхен, а после шестимесячного путешествия возвратилась в Лисльвуд. На другой день своего возвращения она снова увидела Артура Вальдзингама на том самом месте, где оставила его восемь лет назад.

Глава III

НОВЫЙ ВЛАДЕЛЕЦ ЛИСЛЬВУД-ПАРКА

Прошло полгода со времени приезда индийского офицера, и вершины дубов прекрасного Лисльвудского парка гнутся с треском под напором сильного мартовского ветра. Лисльвуд — громадное и великолепное поместье: на далекое расстояние тянутся принадлежащие ему земли, составляющие вместе с ним собственность молодого баронета. За обнаженными холмами, покрывающими окрестности, виднеются довольно порядочные фермы, плата с которых сэру Руперту Лислю производится после сенокоса или жатвы, стрижки овец или убоя свиней. Можете пройти целые мили по тернистым проселочным дорогам или по гладкой большой дороге, миновать целые леса низкорослой сосны и множество разбросанных между холмами деревень — вы все еще будете на землях сэра Руперта. Спросите, где хотите: кто владелец этой дороги, осененной орешником и шиповником, этих сочных лугов, виднеющихся там за изгородами, или этих красивых коттеджей, — спросите, кого хотите, и вам непременно ответят: «Это собственность сэра Руперта Лисля». Если вы останавливаетесь в какой-нибудь деревенской гостинице и поднимаете глаза на грубую вывеску, качающуюся над входом, то прочтете: «Герб Лисля», или «Корона баронета», или же: «Гостиница сэра Руперта Лисля». Если во время прогулки по окрестностям Лисльвуда вы увидите какого-нибудь фермера, надсматривающего за работниками, стоя на стоге сена или в дверях житницы, — то знайте, что это один из ленников сэра Руперта. Имя Лисль такое же древнее и знаменитое в Суссексе, как Гастингская битва, потому что Оскар — один из лордов Лисль, который помог победить Гарольда, короля англосаксов. Дарованные грамоты и титулы семилетнего баронета могли бы покрыть собою самую длинную аллею Лисльвуд-Парка, если бы развернуть их во всю ее длину. Церковь Лисльвуда была наполнена памятниками и трофеями этого старинного рода; знамена, отбитые у неприятеля при Кресси, Гарфлор и Флоддене, висели лоскутьями на портретах кавалеров и воинов, прах которых покоился под плитами церкви. В ризнице этой церкви, бывшей некогда часовней Лисль, почтенный ректор постоянно задевал стихарем за

памятники превосходнейшей скульптуры. Куда вы тут ни взглянете — повсюду взор ваш встречает знатное имя Лисль: оно виднеется на всех стенах, покрытых надписями на исковерканном латинском наречии; оно красуется золотыми литерами и на органе, пожертвованном дедом настоящего баронета, и написано старыми письменами над папертью, где по завещанию шестого баронета ежедневно происходила раздача хлеба неимущим поселянам Вуда.

Налюбовавшись всеми этими памятниками древней фамилии, этими материальными доказательствами знатности и богатства рода Лисль, было как-то странно видеть в единственном владельце этого громадного поместья бледного, болезненного мальчика, машинально игравшего в саду. Неужели вождь норманнских стрелков, могучий гонитель саксонцев, герои Кресси и Флоддена, все благородные роялисты, сражавшиеся под знаменем Руперта дю Рин, храбрые джентльмены, одержавшие победу над надменным сыном Луси Ветера в Местон-Муре, — все эти гордые, неустрашимые люди оставили после себя только этого слабого ребенка с золотистыми волосами, чтобы наследовать их славу и богатство? Казалось, что тяжесть громадного наследства должна бы раздавить такое слабосильное и нежное создание, у него даже не было никаких близких родственников, с которыми он мог бы поделиться избытком. Все, что принадлежало матери, должно было перейти со временем к нему. Отдаленный от света и людей, изнывавших в бесконечной борьбе, он, казалось, тяготился своей баснословно роскошной обстановкой.

Итак, мартовский ветер гнул обнаженные ветви дубов Лисльвуд-Парка, а леди Лисль, ныне миссис Артур Вальдзингам, ожидали с континента, куда она отправилась после своей свадьбы с индийским офицером. Второй брак Клерибелль был обставлен не так, как первый. Холодное, пасмурное утро неприветливо встретило крестьянских детей, еще раз выстроившихся в ряд вдоль по дороге, которая вела в церковь, и на этот раз путь невесты не был усыпан цветами, потому что зима стояла необыкновенно холодная, и в лисльвудских садах нельзя было отыскать ни одного подснежника. В это февральское утро ледяной ветер раздувал шелковое платье новобрачной и ерошил черные волосы новобрачного. Зубы ректора так и стучали во время совершаемого им обряда. Проливной дождь барабанил в окна и заглушал монотонный голос ректора, а рука новобрачной так дрожала в холодной, сырой

ризнице, что она едва могла владеть пером, чтобы вписать свое имя в метрическую книгу.

На этой свадьбе не присутствовало никаких посторонних: нотариус леди Лисль оставил ее, а из соседей никто не был приглашен. Экипаж леди Лисль ожидал у ворот кладбища, чтобы отвести новобрачных на станцию железной дороги, находившуюся в нескольких милях от Лисльвуда, откуда они отправлялись в Довер, где намерены были сесть на какой-нибудь пароход, который доставил бы их на материк. Леди Клерибелль как будто совестилась, что выходит теперь замуж за своего первого обожателя, который был некогда отвергнут ею. Казалось, что она желает видеть брачную церемонию скорее оконченной, чтобы бежать из Лисльвуда, где ее все знали. Она кинулась на холодные плиты ризницы и нежно прижала к себе маленького баронета. Она первый раз в жизни выказала публично свой сердечный порыв, и такая чувствительность удивила присутствующих.

— Не поступила ли я дурно относительно тебя, мой Руперт? — воскликнула она. — Не неприятен ли тебе этот брак?

Капитан стоял в это время, отвернувшись от матери и сына, и смотрел каким-то неопределенным взглядом в окно ризницы, за которым дрожащие от стужи дети ожидали новобрачную.

— Готовы ли вы, леди Лисль? — спросил он наконец.

Она не отвечала, но отослала от себя сына и жадно следила за ним взором, когда он выходил из ризницы в сопровождении своей гувернантки. Услышав стук уехавшего экипажа, который отвозил сэра Руперта в Лисльвуд, она, взяв капитана под руку, простилась с ректором и вышла тоже из церкви. Крестьянские дети заметили ее бледное лицо, полные слез глаза и светло-русые волосы, промокшие под дождем и растрепанные ветром; заметили они и то, что лицо капитана было еще бледнее и рука его дрожала, когда он отпирал ворота кладбища.

Шесть недель, назначенные на брачную поездку, протекли, и новобрачных ждали с часу на час; во всех комнатах замка пылал яркий огонь.

Весь замок был вновь отделан к свадьбе сэра Режинальда с богатой мисс Клерибелль. Старинные дубовые панели времен одного из первых Генрихов были снова отполированы и украшены позолотой и разноцветными гербами. Перед овальным зеркалом в дорогих резных рамах красовались консоли из золота, серебра, бронзы, черного дерева и

стали. В громадной библиотеке, вся мебель которой была из Вуда с золотыми украшениями, были проделаны окна со сводами. Рамы всех фамильных портретов, висевших по бокам двух великолепных лестниц, которые шли с двух сторон передней и соединялись на широкой площадке, откуда шли вокруг всего замка две галереи, были тоже покрыты новой позолотой, и сама живопись была обновлена. Парадная гостиная убрана в новейшем вкусе: со светло-желтыми стенами, серебристыми карнизами и белой шелковой драпировкой, отделанной бахромой самого нежного розового цвета. Пол покрывался ковром, по белому фону которого были искусно разбросаны букеты полурасцветших роз. Кресла и диваны были из какого-то белого дерева, которое блестело как слоновая кость; их можно было привести в движение легким прикосновением руки — и они скользили по ковру, не оставляя ни малейшего следа.

Эта гостиная сообщалась с другой, которая была меньших размеров и обита зеленой материей. Из нее вел потайной ход в комнаты леди Лисль, которые отделялись от прочих длинными коридорами. Столовая хотя и была меблирована согласно требованию времени, но скульптурные произведения в ней были древние. Драпировка ее была зеленая бархатная, турецкий ковер — тоже зеленый. Стены украшены, как лестницы и галереи, картинами итальянских знаменитостей и фамильными портретами.

В каминах пылал яркий огонь, в серебряных и хрустальных люстрах были зажжены — в честь предполагаемого возвращения новобрачных — все свечи. Белое как снег белье, серебряная посуда и огромные позолоченные судки, стоявшие на буфете в столовой, роскошная спальня с драпировкой из лилового бархата на белой атласной подкладке, уборная, в которой зеркала и фарфоровые безделушки были неимоверной цены и которая защищалась двойными рамами от сырости, пушистые аксминстерские ковры, превосходно выдержанная прислуга, говорившая тихо, ходившая всегда осторожно, ловкая и приличная, дорогие вина, стоявшие в серебряных жбанах, утонченнейшая кухня, которой заведовал искусный француз, — все это богатство, весь этот блеск и комфорт, вся эта баснословная роскошь развернулись теперь, чтобы польстить всем пяти чувствам индийского офицера, который бросил к черту свой капитанский чин (немногие могли объяснить — почему).

Взглянем еще раз ближе на красивого воина, сидящего за столом против своей жены: он не кажется счастливым посреди этой роскоши. Он держит в руках хрупкий и прозрачный бокал, не замечая даже, что вино его льется потихоньку на стол. Он выпил большое количество мадеры или мозельского вина, но этот благородный напиток не развязал ему язык и не прояснил лица. Он сильно изменился с тех пор, как приходил в лисльвудскую церковь, чтобы преследовать своим упорным взглядом Клерибелль Мертон. Кажется, будто эта сильная, гордая, великодушная и беззаботная натура истлела под лучами тропического солнца.

Клерибелль же почти вовсе не изменилась. Красота ее еще не потеряла первоначальной свежести. Голубые глаза ее остались так же ясны, она кажется только немного посолоннее, и тяжелое платье ее с отделкою из кружев шуршит как-то внушительно, когда она проходит по освещенным комнатам.

— Клерибелль, — начинает капитан, оставшись вдвоем с ней пред камином гостиной. — Ваше богатство и величие производят на меня крайне тяжелое впечатление.

— Капитан Вальдзингам!

— О да, вы, разумеется, не поняли меня. Браки по расчету так приняты, что я не имею права жаловаться, если и на меня смотрят как на человека, женившегося единственно ради денег, как это делается людьми, превосходящими меня во всех отношениях... А все же, Клерибелль, я страшно тягочусь этим великолепием. Я задыхаюсь в этих раззолоченных комнатах... Я жалею о вольном, казарменном житье, о моей грубой трубке, о моем денщике, перед которым я мог произносить проклятия, чего я не могу, конечно, допустить перед вашими слугами, одетыми в ливрею лорда Лисля. Я скучаю о картах, за которыми я сидел до тех пор, пока звезды не меркли над крышами Калькутты. Необходимы мне и игральные кости, и все то, чего нет в этой золотой клетке. В этом доме я научился некогда страдать, и если б он не был переделан ко дню вашего первого брака, то я мог бы указать вам кресло, которое я схватил, чтобы ударить им сэра Режинальда в тот день, когда он одержал победу надо мной.

— И вы ударили его? — спросила миссис Вальдзингам с любопытством пансионерки.

— Нет, мужчины никогда не дерутся в полной посетителями

гостиной... Найдется непременно кто-нибудь, который скажет: «Вальдзингам, не будьте же смешным!», или: «Лисль, что вы задумали?..» Нет, нас разняли, как разнимают двоих детей, дерущихся на улице, а на следующее утро я послал ему вызов.

Ей доставляло какое-то детское удовольствие слушать подробности этой ссоры. Но капитан не мог дотрагиваться до своих старых ран, не чувствуя в них боли.

— Что, если б дух сэра Режинальда мог видеть меня сидящим у этого камина, Клерибелль?

Она с тайным ужасом взглянула на дверь, как будто видела ее отворяющейся под рукой ее первого мужа.

— Артур, вы были одно время очень дружны с Режинальдом... Вы будете добры к его сыну, не так ли? Вы сделаете это для меня? Богатство может привлечь к нему ложных друзей и дурных руководителей. Близких родных нет у него. Самый близкий к нему тот, кто будет его прямым наследником, если он умрет бездетным... Я, может быть, не доживу до его совершеннолетия... Он слабого здоровья и, как все говорят, не имеет способностей. Вы вольны сделаться ему другом или врагом. Вы будете, конечно, его другом, Артур?

— Да, это так же верно, как то, что я еще надеюсь пользоваться вашей любовью, Клерибелль! Я ни добр, ни умен, но исполню свою обязанность относительно вашего сына, сэра Руперта Лисля.